

ВВЕДЕНИЕ

Богатую и сложную литературу древней Руси мы знаем далеко не полно. Такие произведения, как «Слово о полку Игореве», «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о погибели Русской земли» и некоторые другие случайно дошли до нас в единственных списках. Только недавно стал известен второй список «Слова о погибели Русской земли»,¹ а в 1812 г. сгорел и единственный список «Слова о полку Игореве». По случайным упоминаниям мы знаем также, что существовало, например, Житие Антония Печерского, до нас не дошедшее, что существовали не дошедшие до нас летописи: «Летописец великий русский» (он упоминался в сгоревшей Троицкой летописи),² «Владимирский полихрон» (он упоминается в так называемом «Тверском сборнике»), различные хронографы и т. д.

Книги гибли во время нашествий половцев, во время страшного разгрома русских городов ордами Батыя,³ во время набегов золотоордынских ханов и «крымчаков».

Характерные события разыгрались во время нашествия на Москву хана Тохтамыша в 1382 г. Жители Москвы, «загородья» (пригородов) и окрестных сел снесли книги в московские каменные церкви, где думали уберечь их от пожаров и разграбления. Книг было так много, что они были навалены до самых сводов. Но татары разбили церковные двери, разграбили и уничтожили все, что в церквях было; книги же «все без вести сътвориша».

Много книг погибло в начале XVII в. в результате польско-шведской интервенции. В 1869 г. в Академию Наук были при-

¹ В. И. Малышев. Житие Александра Невского по рукописи середины XVII в. Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. V, М.—Л., 1947.

² Летопись эта ныне восстановлена М. Д. Приселковым по различным источникам: М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950.

³ Гибель книг при захвате г. Владимира Залесского ордами Батыя особо отмечена в летописи (Лаврентьевская летопись под 1237 г.).

сланы из Финляндии 166 полуобгорелых и оборванных листов. Как оказалось, они принадлежали 48 книгам, унесенным шведами из 12 разграбленных ими церквей, лишившихся при этом всего около 200 книг.

Неудивительно, что уже в конце XIV в. некоторые русские произведения XI—XIII вв. сохранились только в библиотеках Царьграда и здесь переписывались русскими переписчиками для того, чтобы быть возвращенными на Русь: случай, который, может быть, ярче всего характеризует последствия татаро-монгольского нашествия для русской литературы.

Истребляли книги и постоянные пожары. В 1124 г. пожар истребил почти весь Киев: «бысть пожар велик Кыеве городе, яко погоревшю ему мало не всему по два дни по Подолью и по Горе, яко церквий единех изгоре близь 6 сот».¹ В 1134 г. пожар истребил Торговую сторону Новгорода.² В 1185 г. во Владимире Залесском в пожаре сгорел «мало не весь город и церквий 32», в том числе собор Успения. Драгоценные вещи и книги были вынесены из собора на двор, но «огонь взя все без утеча».³

Было бы слишком долго перечислять все те пожары, отмеченные летописью, в которых гибли книги.

Пожары уничтожали книжные собрания не только в XI—XVII вв., но и в новое время. Особенно памятен в этом отношении 1737 год, когда сгорел старый кремлевский дворец с остатками библиотеки московских царей, и 1812 год, когда в большом московском пожаре погибли собрания А. И. Мусина-Пушкина, графа Бутурлина, Баузе, Демидова, Московского общества любителей словесности и др. В 1777 г. пожар в Киеве истребил библиотеку.⁴

Гибли книги не только от бесчисленных войн и пожаров, но и от собственного небрежения хранителей рукописных собраний — особенно в XVIII и XIX вв. Характерен случай с митрополитом Евгением Болховитиновым, который однажды, направляясь в Юрьев монастырь под Новгородом, встретил по дороге воз с монастырскими книгами, предназначенными к уничтожению. Евгений вернул воз в монастырь, немедленно присту-

¹ Лаврентьевская летопись под 1124 г.

² Новгородская I летопись под 1134 г.

³ Лаврентьевская летопись под 1185 г.

⁴ Подробные данные о числе сохранившихся книг, о причинах их гибели см. в интересном исследовании Н. В. Волкова: Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV вв. и их указатель. Памятники древней письменности, вып. СХХIII, СПб., 1897.

пил к разбору книг и нашел там ценнейшие рукописи — в числе их рукописи XI века.¹

Наконец больше, чем от врагов, пожаров и невежества нерадивых к русской старине хранителей рукописей, страдали памятники древней русской литературы вследствие специального подбора монастырских библиотек и менявшихся литературных вкусов, сказывавшихся и в работе переписчиков, перерабатывавших старые произведения в официальном, церковном духе, или вовсе не достаивавших переписки произведения, которые они уже не понимали.

Так, например, не дошла до нас светская повесть «О мужестве» Александра Невского, а дошла лишь позднейшая переделка этой повести в церковное житие.² Не дошли произведения Кирилла Туровского, наиболее тесно связанные с политической жизнью второй половины XII в. Дошли же по преимуществу те из его произведений, которые отличались наиболее отвлеченным, «общецерковным» характером. Кирилл Туровский написал обличение на так называемого Феодорца, находился в переписке с Андреем Боголюбским, но из всех его сочинений мы знаем только двенадцать его молитв, покаянный канон и несколько торжественных слов на церковные праздники.

Неудивительно, что мы представляем себе древнюю русскую литературу в гораздо большей степени церковной, чем она была на самом деле. Наши представления о древней русской литературе, особенно ее начального периода, искажены усилиями многих поколений хранителей церковных и монастырских библиотек, усилиями переписчиков, переделывавших на свой лад старые произведения, общими условиями бытования древнерусских произведений.

Вот почему так трудно построить подлинную историю древней русской литературы, — историю, которая не была бы простым перечислением, пересказом и описанием сохранившегося до нашего времени состава древнерусских памятников литературы, а восстановила бы подлинную картину ее развития.

*

Для того чтобы представить хотя бы отчасти основные ведущие линии в развитии литературы, существенную помощь могут нам оказать смежные с литературой области культуры.

¹ А. С. Архангельский. Введение в историю русской литературы, т. I. Пгр., 1916, стр. 177.

² См. исследование Н. Серебрянского: Древнерусские княжеские жития. Чтения в Общ. истор. и древн. росс., 1915, кн. 3, стр. 151—222.

Выводы исследований по истории живописи, истории архитектуры, истории науки или права имеют существенное значение в восстановлении истории литературы.

И. В. Сталин в работе «Анархизм или социализм?» пишет: «Единая и неделимая природа, выраженная в двух различных формах — в материальной и идеальной; единая и неделимая общественная жизнь, выраженная в двух различных формах — в материальной и идеальной, — вот как мы должны смотреть на развитие природы и общественной жизни».¹

Общественная жизнь неделима; неделима несмотря на все ее классовые противоречия. И литература, и искусство, и наука, и общественная мысль на каждом конкретном этапе своего развития не изолированы друг от друга. В основе каждого из этих явлений культуры лежит базис, экономический строй общества. Совершенно ясно, что одни и те же явления, одни и те же идеи могут проявляться и в живописи, и в литературе, и в науке, и в архитектуре, и т. д.

Однако не следует думать, что между всеми явлениями культуры существует единство в смысле гармонии и отсутствия противоречий, классовой борьбы. Единство культуры не имеет ничего общего с пресловутой «теорией единого потока», имевшей хождение среди некоторой части литературоведов. «Теория единого потока» стирала классовые противоречия литературного развития, в корне не соответствовала учению В. И. Ленина и И. В. Сталина о двух культурах.

Единство культуры — это ее взаимосвязанность при наличии всех ее противоречий; это единство, вызываемое ее обусловленностью базисом, общественным строем, одновременно включающее и противоречия.

Вместе с тем, те или иные идеи, явления развития могут иногда выражаться отчетливее в одной области культуры и менее отчетливо в другой. Развитие едино, но неравномерно.

В культуре постоянно борются прогрессивное с реакционным, новое и старое, молодое и растущее с отживающим и старым. В истории культуры постоянно борется новое содержание со старым, новое содержание со старой формой. И. В. Сталин пишет: «... существующая форма никогда полностью не соответствует существующему содержанию: первая отстает от второго, новое содержание в известной мере всегда облечено в старую форму, вследствие чего между старой формой и новым содержанием всегда существует конфликт».²

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 312—313.

² И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 328—329.

Отсюда ясно, что единство общественной жизни следует понимать не узко и метафизически, а широко и диалектически. Это единство есть единство движения и развития. Оно предусматривает наличие противоречий, борьбы.

Идеалистическая, буржуазная наука замечала единство отдельных явлений культуры, но давала объяснение этому единству, ставя отношения материальной и духовной сторон жизни с ног на голову. Буржуазная наука считала, что если явление барокко можно проследить и в архитектуре, и в поэзии, то это потому, что и тут и там проявился «дух барокко». Единство немецкой литературы и искусства буржуазные ученые пытались объяснить «немецким духом» или «немецким чувством формы».

Теоретик немецкого формализма Генрих Вёльфлин отмечает национальное «немецкое формовидение», объясняет особенности итальянского и немецкого Ренессанса из «национального духа» и того и другого.¹

Марксистско-ленинская научная методология исходит из противоположного положения: материальная природа предшествует развитию сознания: «... развитию идеальной стороны, развитию сознания, **предшествует** развитие материальной стороны, развитие внешних условий: сначала изменяются внешние условия, сначала изменяется материальная сторона, а **затем** соответственно изменяется сознание, идеальная сторона».²

В дальнейшем мы будем рассматривать историко-литературные явления в значительной степени как часть истории культуры. Это поможет нам восстановить недостающие звенья, поможет уловить элементы развития. Соседние области культуры послужат для проверки восполняемых частей историко-литературного развития, хотя развитие отдельных областей культуры совершается далеко неравномерно. Отдельные области культуры — живопись, зодчество, прикладные искусства, общественная мысль, литература и т. д. — могут отставать или ускоренно развиваться.

Литература развивается не в изоляции от остальных явлений культуры. Одна и та же материальная сторона, один и тот же базис порождает одинаковые явления и в литературе, и в живописи, и в зодчестве. Вместе с тем все стороны духовной жизни взаимосвязаны, влияют друг на друга и оказывают обратное воздействие на базис.

¹ Г. Вёльфлин. Искусство Италии и Германии эпохи Ренессанса. М.—Л., 1934; он же. Основные понятия истории искусства. М.—Л., 1930, и др.

² И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 314.

Отсюда ясно, что рассмотрение историко-литературного процесса как замкнуто совершающегося невозможно в научно построенной истории литературы. Следует решительно отвергнуть всякие попытки изолировать историко-литературные явления, оградить их самодовлеющими, самозамкнутыми «законами» историко-литературного развития, «законами жанра».

Конечно, особенности литературного творчества не должны быть растворены в общем историко-культурном процессе, но и не должны приобретать самодовлеющего значения, при котором в литературе перестают осознаваться ее надстроечные черты.

И. В. Сталин учит нас глубокому рассмотрению особенностей каждого общественного явления. И. В. Сталин отмечает, что у общественных явлений наряду с общими чертами «имеются свои специфические особенности, которые отличают их друг от друга и которые более всего важны для науки».¹

Мы должны полностью учитывать специфические особенности литературы как общественного явления. Мы должны учитывать, что в литературе существуют свои собственные законы развития, но эти особые законы развития литературы не изолируют литературу от других видов культуры, а связывают ее с ними. Своеобразие движения литературы состоит не в том, что литература резко отграничена и изолирована от других общественных явлений, а в том особом положении, которое занимает литература среди этих общественных явлений. Художественная литература теснейшим образом связана с философскими, общественно-политическими, правовыми, религиозными и другими воззрениями общества; своеобразие этих связей, а также своеобразие социально-исторической обусловленности развития литературы — вот что определяет специфику литературы. В этом глубокое отличие марксистского понимания специфики литературы и ее собственных законов развития от понимания литературной специфики буржуазными литературоведами-формалистами, стремившимися изолировать историко-литературный процесс, представить его саморазвивающимся, замкнутым в себе. Не будучи изолирована от других общественных явлений, литература тем не менее своеобразно отражает эти связи и своеобразно воздействует на соседние общественные явления, на человеческое общество в силу особой своей природы как художественного, словесного творчества.

Вместе с тем, не следует забывать, что история литературы есть наука прежде всего историческая, что исторический подход

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 35.

к литературе — первое условие марксистской науки о литературе. И. В. Сталин учит нас: «Если нет в мире изолированных явлений, если все явления связаны между собой и обуславливают друг друга, то ясно, что каждый общественный строй и каждое общественное движение в истории надо расценивать не с точки зрения «вечной справедливости» или другой какой-либо предвзятой идеи, как это делают нередко историки, а с точки зрения тех условий, которые породили этот строй и это общественное движение и с которыми они связаны».¹ И далее: «Все зависит от условий, места и времени. Понятно, что без такого исторического подхода к общественным явлениям невозможно существование и развитие науки об истории, ибо только такой подход избавляет историческую науку от превращения ее в хаос случайностей и в груды нелепейших ошибок».² Важность исторического подхода к общественным явлениям для марксизма глубоко показана В. И. Лениным. «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории».³ Отсюда ясно, что исторический подход к литературе и рассмотрение литературы в ее взаимообусловленности с другими явлениями общественной жизни, с базисом — взаимосвязаны. Учение об историзме развил и углубил И. В. Сталин в своем основополагающем труде «Марксизм и вопросы языкознания». И. В. Сталин разоблачил начетчиков и талмудистов, рассматривавших марксизм и отдельные выводы марксизма как догматы, которые «никогда» не изменяются.

История литературы есть часть истории культуры (без всякого растворения в ней ее специфики), а история культуры есть часть исторической науки в целом, и это обстоятельство опять-таки облегчает нам изучение литературного развития, помогает восполнить недостающие звенья.

Советскую историческую науку глубоко занимают проблемы истории культуры, политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества, без которых немислимо сейчас подлинное научное понимание исторического процесса в его целом, ибо надстройка, как учит И. В. Сталин, является величайшей активной силой, она «активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры

¹ История ВКП(б). Краткий курс. 1946, стр. 104.

² Там же, стр. 105.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 200.

к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы».¹

Вот почему и для советских историков памятники литературы и письменности в целом имеют особое значение и не являются сейчас уже только источниками сведений о прошлом, но сами составляют частицу истории, а история письменности и история литературы входят в историческую науку как части в целое.

Вместе с тем, историк литературы обязан в своих работах опираться на последние достижения исторической науки и ясно осознавать, что история русской литературы есть часть истории русского народа. Требование историзма — совершенно необходимое требование, которое предъявляет советская теоретическая мысль к построению подлинно научной истории русской литературы.

Особое значение для исторической науки в целом и для истории литературы, в частности, имеют сейчас проблемы возникновения русской письменности и русской литературы, теснейшим образом связанные с задачей изучения истоков самостоятельности русской культуры.

Буржуазные филологи и литературоведы в своих исследованиях, посвященных древнейшему периоду развития русской письменности и литературы, придерживались, в сущности, чисто описательного подхода, занимались внешним перечислением фактов, собирали фактический материал, иногда очень ценный, но не были в состоянии объяснить установленные ими факты исторически. Старая буржуазная наука не рассматривала исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы, не исследовала исторической роли народного творчества в развитии русской литературы, не изучала исторического значения так называемого «византийского влияния», и т. д. История русской литературы феодального периода была фактически поставлена буржуазными литературоведами вне истории русского народа.

В настоящее время именно вследствие успехов советской исторической науки советские литературоведы в состоянии всесторонне изучать русскую литературу феодального периода. Исторический смысл и исторические предпосылки многих крупных историко-литературных и, шире, историко-культурных явлений раскрываются в советской науке в корне иначе, чем они были поняты в старой буржуазной науке.

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 7.

Нет нужды особо останавливаться на том обстоятельстве, что исторические предпосылки возникновения русской литературы в X—XI вв. не только не изучались, но вопрос о них и не ставился как задача для изучения.

Общие курсы истории древней русской литературы, касаясь ее начального периода, в сущности, передавали только поверхностно систематизированные факты. По большей части эти курсы открывались разделами, посвященными «переводной литературе», куда включались переводные памятники как русского, так и болгарского происхождения, — памятники, возникшие в X, XI, XII и XIII вв. Создавалось впечатление, а из впечатления выросло мнение, что русская оригинальная литература возникла как естественное продолжение литературы переводной. Эта антинаучная «концепция» возникновения русской литературы из подражания литературе византийской, — концепция наивная и неглубокая, — решительно противоречит методологическим основам современного советского литературоведения и элементарным требованиям советской исторической науки.

В дальнейшем проблема возникновения русской литературы будет нами рассмотрена как проблема историко-культурная и историческая в самом широком смысле этого слова.

Русская литература возникла не сразу. Специфика литературы как художественного творчества определялась постепенно, в течение ряда столетий. Русская литература возникла отнюдь не в результате переноса к нам произведений византийской и болгарской литератур, — отнюдь не по причинам механическим и случайным, — не как результат появления на Руси христианской образованности и не как простое продолжение переводной литературы. Она родилась из внутренних потребностей классового, феодального общества древней Руси. Появление ее было подготовлено развитием русского языка, развитием устного творчества, оно нашло себе «техническую» базу в создании русской письменности и было облегчено культурным общением с другими странами, в первую очередь с Византией и Болгарией. Как мы увидим ниже, культурное общение с другими странами лишь дополнило и расширило этот процесс развития, играя в нем не основную, а лишь второстепенную роль.

